

С. В. Любичанковский**«...Неладно в советском королевстве»: 1991 год в дневниках Л. Н. Большакова**

В статье систематизированы и проанализированы дневниковые записи почетного гражданина города Оренбурга, ученого и общественного деятеля Леонида Наумовича Большакова, касающиеся восприятия им изменений, происходивших в Советском Союзе на излете его существования — в 1991 г. Реконструирована атмосфера последнего советского года, складывающаяся для Л. Н. Большакова из разочарований от экономической разрухи, политической нечистоплотности властей, морального разложения и бессилия что-либо изменить. Приведены конкретные примеры тех фактов и процессов, которые наиболее трагическим образом затронули мироощущение Большакова в 1991 г.

Ключевые слова: дневники, Леонид Наумович Большаков, повседневная жизнь, интеллигенция, исторический источник, Советский Союз, распад СССР.

Тридцать лет назад история нашей страны в очередной раз повернула на новую колею. Распад Советского Союза явился не только крупнейшей геополитической катастрофой последних пятидесяти лет, но и имел значимое измерение в повседневной жизни, поставив, без преувеличения, все население огромной страны в ситуацию новых переживаний, смены ценностных ориентиров и утраты, казалось бы, незыблемых устоев. Эти изменения нуждаются в четкой фиксации. Целью настоящей статьи является анализ того, как понималась и, самое главное, как «чувствовалась» ситуация 1991 года Леонидом Наумовичем Большаковым, представителем той самой «межклассовой прослойки» интеллигенции, которая, как известно, наиболее неоднозначно восприняла распад СССР.

В основу анализа положен личный дневник Л. Н. Большакова, писателя, ученого, почетного гражданина города Оренбурга [4; 5], в котором он каждый день на протяжении двадцати лет (1984—2004) фиксировал свои эмоции и размышления по актуальным вопросам. Этот уникальный источник [16], хранящийся ныне в семейном архиве его дочери, Татьяны Леонидовны Большаковой, представляет особый интерес для историков повседневности тем, что в конце XX века с дневниками произошла та же метаморфоза, что и с бумажными «длинными» письмами — в силу разнообразных причин их просто перестали писать. Трагедия ситуации заключается в том, что в этот же период в мировой исторической науке явно наметился поворот от истории государств и больших социальных групп к истории отдельного Человека, к истории повседневной жизни [14], т.е. к тем направлениям, для которых источники личного происхождения (дневники, эпистолярное наследие, мемуары) являются особо ценным видом исторических источников [8]. Используя дневник Л. Н. Большакова, мы фактически имеем дело с уникальным источником, позволяющим на примере конкретного человека оценивать эмоциональные ощущения людей конца XX века от собственной повседневности [3; 10]. Это чрезвычайно важно для проведения конкретно-исторических исследований по истории повседневности [14, с. 11—13].

Несколько наших предыдущих статей были посвящены отражению в дневниках Л. Н. Большакова августовских событий 1991 г. [11], эволюции взглядов рядового коммуниста на роль КПСС [12], а также «лихих девяностых» [12]. Настоящая статья продолжает эту серию, подвергая анализу повседневную жизнь и ее изменения, зафиксированные Л. Н. Большаковым в своем дневнике в 1991 году. Это те ощущения, которые «витали в возду-

© Любичанковский С. В., 2021

хе», и большой исследовательской удачей является наличие источника, который отразил этот эфемерный «дух времени» на бумаге.

У проблематики изменения положения населения СССР в 1991 г. уже существует определенная историография [1; 2; 6; 7; 9; 15; 17], однако, конечно же, ей не хватает среза личной рефлексии со стороны рядовых граждан, не игравших активной роли в политических процессах того времени. Именно эту задачу и решает настоящая статья. Думается, мысли и чувства, сформулированные автором дневника, разделяли многие представители советской интеллигенции, на глазах которых рушились, казалось бы, незыблемые устои.

Уже первая запись дневника Л. Н. Большакова 1991 г. говорит о том, что настроение у автора не праздничное (хотя 1 января — это и день его рождения): «...год, не сулящий ни стране, ни людям ничего хорошего. Относительно хорошее может быть только на индивидуальных, личных, семейных стезях. Но нельзя “абстрагироваться” от всеобщего, глобального...» [16, 1 января 1991]. Да, абстрагироваться от глобального автор дневника не умел, и поэтому в дневнике 1991 г. записей о собственной жизни порою меньше, чем информации о событиях внешних, часто вроде бы и не связанных напрямую с автором, но его волнующих, заставляющих вмешиваться, часто от работы отвлекающих. И даже то, что, в отличие от прежних лет, ежедневные записи начинаются не с «отчета» о делах литературных, а с информации общеполитической, показывает, что именно она выходит для него на первый план.

«Каждое утро обрушивает на головы ворох уже привычных новостей¹ о продолжающейся дестабилизации нашей жизни. Нахичевань — Таллинн... хотя что перечислять? Мрак! Уговариваю себя не волноваться, но — это выше моих сил» [16, 5 января 1991].

«Вчера хоть письмами занимался, а сегодня и это меня не колышет. Нет никакой доставки ни писем, ни газет — отныне по воскресеньям у почтальонов выходной... Сие новый шаг назад — один из многих шагов, которые сделаны, делаются и будут предприниматься с совершеннейшей неотвратимостью. Эта неотвратимость — от беспомощности власть предержащих, начиная от самых верхних, верховных. Кризис власти? Отсутствие власти! Игра в поддавки? Поддавки без всякой игры, во всем и везде, каждый день и час! Что ни день, то хуже и хуже...» [16, 6 января 1991].

«Америка начала войну против Ирака, и это не кажется противоестественным... А вот войны на нашей собственной территории, причем не только в Литве, на исконной нашей земле — в Сибири, это совсем страшно. Кузбасс требует отставки Президента, правительства, Верховного Совета и намеревается бастовать до удовлетворения этих требований... На душе скверно» [16, 17 января 1991].

«...Центральное правительство, власть союзную республики не ставят и в грош. Отделяются все. Куда это заведет? “Социалистическое содружество”, “коммунистическое движение” распались в две-три недели. Не распался бы так же Союз. Но думать обо всем этом невозможно. И постоянно на душе тяжелый камень. Все — личное» [16, 18 января 1991].

«Город в натуральном тумане, спровоцированном очередной теплыню. Страна в полнейшем тумане, который и не думает рассеиваться. В Баку, в Азербайджане вообще не помогают и войска. Идет самая настоящая мусульманская война. Очень злая, беспощадная, коварная. Бегут уже русскоязычные, особенно семьи пограничников и других военных. За пару дней — две с половиной тысячи беженцев, коих вывозят самолетами, сверхспешно. Прекращено движение поездов в Армению через Грузию: разобрали пути. Произошло крушение известного нам пассажирского поезда Ереван — Ростов... Что готовит день грядущий? Все чрезвычайно плохо» [16, 24 января 1991].

¹ Здесь и далее — подчеркивания автора дневника.

«Не дает покоя мысль, что мы заикнулись на критике и практически не делаем ничего. Страна в разрухе, и критика, не подкрепленная делами, — это диверсия. Думаю, что спецслужбам США и пр. надо самоупражняться — они никогда бы не сделали столько, сколько сама “противная сторона”» [16, 26 января 1991].

Записи второй половины января рассказывают о реформе, получившей название «павловской». Сегодня информацию о ней можно прочитать в учебниках новейшей истории России, однако несколько коротких фраз не могут до конца передать сути. Между тем январские странички дневника 1991 г. позволяют взглянуть на нее глазами очевидца: из обращения выводились только крупные купюры (тогда таковыми считались 50- и 100-рублевые). Обменять можно было не больше 500 рублей, и те, чей домашний денежный запас хранился именно в таких дензнаках, оказались в сложном положении: сегодня это серьезные деньги, а уже послезавтра — фантики (на обмен отводилось всего три дня). Люди договаривались друг с другом, просили обменять от своего имени... Кто-то готов был продать имеющиеся «в зачатке» купюры тут же появившимся «спасателям», т.е. спекулянтам за полцены, за треть, чтобы сохранить хоть часть собственных сбережений... (а те, кто покупал, рассчитывал назавтра обменять их как свои кровные). Чувство униженности испытывали все, а для кого-то реформа и вовсе стала трагедией: владелец денег был в командировке или отпуске, только что получил крупную сумму за проданный дом или машину, до некоторых дальних уголков области весть об обмене вообще не дошла...

Восприятие ситуации Л. Н. Большаковым отражено в дневниковой записи 22 января 1991 г.: «Шестичасовое радио оглушило финансовыми ограничениями — замена крупных купюр, обмен их в определенном количестве, выдача из сберкасс “не более” и т.п. Нас это касается вроде бы мало, но — ты уже не хозяин своих денег. Кто нас уважать станет? И за что уважать?!» [16, 22 января 1991].

«...Ажиотаж, спровоцированный отвратно организованной денежной реформой, отодвинул на задний план все и вся — от Персидского залива до Литвы и Латвии: нищета и разруха показали оскал смерти с безобразной силой. Дело, вероятно, необходимое, но какие убийственные издержки, опять нас всех роняющие, втаптывающие в навозные кучи!» — делает вывод автор дневника [16, 24 января 1991].

О том же в записи от 28 января: «Маразм, дальнейший маразм нашего гниющего общества... Думать об этом вынуждает сегодняшнее посещение... сберкассы. Отправился получать положенные мне в январе предельные пятьсот рублей, получил и услышал, что велено о каждой такой получке делать — по всей форме — с печатью или штампом — в паспорте — отметки на 23 страничке паспорта! “Читайте, завидуйте...”. Что читать? Чему завидовать? До какой низости надо дойти — скатиться — в этой торговле гражданской честью, гражданским достоинством... В цивилизованных державах паспортов внутренних нет вообще — гражданство определяется не этим, у нас же теперь это еще одно средство посрамления... У меня Н. Н. паспорт не спросила — простой кассир умнее премьера!» [16, 28 января 1991].

Предчувствие, даже ожидание чего-то страшного и горечь ощущается во многих записях:

«Всюду игра — в демократию, в свободу слова, в плюрализм. Ох, доиграемся! А в Таллинне в конце года собираются менять рубли на кроны. Кто как рвется из Союза! Азербайджан — с оружием и фанатизмом, Эстония — без стрельбы, без крика, вполне интеллигентно. И не поможет никакая сила оружия. А некролог по СССР уже пишется» [16, 27 января 1991].

«Работаю “через настроение”. Скверное настроение давит и душит. Какое-то предчувствие пожара. Иногда даже думается, где бы спрятать, куда бы отдать на хранение написанное и не напечатанное — во избежание потери. Возможно ли было даже думать об этом совсем недавно? Отвратительно все то, что происходит сейчас...» [16, 4 февраля 1991].

«Все вокруг хуже некуда... Ловишь себя на мысли: для чего живешь? Ради чего работаешь? Гнуснейшее время... Глухой тупик...» [16, 3 марта 1991].

В записях 1991 г. множество картинок с натуры: «Прошелся по магазинам — запустение гнетущее. Центральный магазин “Молоко”. Весь ассортимент — адыгейский сыр и кефир. Молока нет — может быть, еще подвезут разливное. На одного продавца и шесть покупателей — два сонных кассира. Что им делать? Ходишь — и нарастает чувство униженности, стыда, попранного человеческого достоинства...» [16, 6 января 1991]; «Выходил только в магазины. Сахар, молоко — и все в очередях, “с бою»» [16, 17 января 1991]; «Для поддержания стола ходил на рынок... К мясу не подступиться, цены всего остального растут от недели к неделе, удивляя меня, хотя я перестал уже удивляться. Вторично ходил за магазинной сметаной. Ни в одном магазине ее нет — выручил буфет Дома политпроса...» [16, 9 февраля 1991]; «Первые полдня проходил по крепкому, с ветром, морозу. В одном магазине — адыгейский сыр, в другом — чай, в третьем — свинина без намеков на мясо, на рынке — морковка и квашенная капуста “по договорным ценам”. Поставил бы “и т.д.”, но и т.д. не получилось. Магазины совершенно, безобразно пусты и демонстрируют лишь одно — бездарность и бесполезность нашего строя вкупе со всем нашим обреченным обществом» [16, 16 февраля 1991]; «...Усталость усугубил выход в свет — в пустой магазин “1000 мелочей”, в пустую аптеку и т.д. Многотерпеливый народ и безмозгло-наглые власти. Революционная ситуация куда более назревшая, чем перед февралем 17-го. Напряжено все...» [16, 30 марта 1991]; «В хождении по сырому и зябкому Оренбургу отхватил два (!) экземпляра диковинных, почти экзотических вещей — трусов 56 р. Фирмы едва ли не кинематографической по названию — «Студия 1» (этикетка вклеена в дневник. — С. Л.). Какова фантазия! Сама “продукция” в стиле то ли неореализма, то ли соцреализма» [16, 17 марта 1991 г.]; «Бытовал нелепый термин “народная демократия”. Отпал, отмер. Сейчас у нас голодная демократия. Первое слово без иронии, второе — с иронией, даже насмешкой. Эта мысль после утреннего выхода в магазины. Очереди за молоком, коего нет: не завезли. Поспешил домой: пробежка от инфаркта. Боюсь: он настигает» [16, 4 апреля 1991]; «Удручает безысходность. Дороговизна и — очереди, пустые полки — и очереди. “Рыночная экономика”. Кому и чему это оправдание?! Рыскают жалкие, голодные, несчастные люди, слоняются в поисках “чего-нибудь” и хватаются за карман, где иного меньше, чем требуется сегодня. Всем нашим властям — грош цена по самым договорным ценам...» [16, 10 мая 1991]; «Часа четыре ходили... в поисках пищи насущной. Выстояли очереди за пятнадцатирублевым сыром и августовской водкой — этой валютой для предстоящих заготовок и ремонтов. Вернулись без сил» [16, 23 августа 1991]; «“...Абонент телефона №... обменяет пылесос “Шмель” на бинокль...”. Звучит как шпионский пароль. Продажи, как и деньги, не в чести и не в ходу. Обмены, обмены... Купить нельзя ничего. Даже не верится, что когда-то и в наших магазинах хоть элементарное, но все же было. Было, да сплыло. Живем на уровне самых-самых нищенских стран» [16, 16 сентября 1991].

С горькой иронией описывает автор дневника очереди за водкой, которая еще раньше превратилась в своеобразную валюту:

«Возвращаясь с почты, надыбал водку и не преминул отоварить сентябрьские талоны: шесть бутылок “Пшеничной”! Зачем они мне? Но — положено. Но — дают. Следова-

тельно, гони все, что предписано. С завистью смотрели на меня обладатели октябрьских талонов — им пока не положено. Поделиться с алчущими и не подумал, да и они сочли бы отдающего дурнем...» [16, 3 октября 1991].

«Перво-наперво походили за... водкой (неотоваренные декабрьские талоны). Увы, ее не оказалось нигде. Прибег к помощи сапожника Юры. Из восьми положенных мне поллитровок две презентовал ему, а шесть — ежели получится — поставлю на свои... книжные полки. Арсенал уже изрядный, но “гонка вооружений” неостановима» [16, 5 января 1991]. Через десять дней читаем практически детективное продолжение «водочной эпопеи»: «Что за жуткая история! Стоял человек в очереди за водкой, выстоял, выдюжил, как на крыльях летел домой, благо дом в ста метрах и, надо же, упал (бедный инвалид!). Упал и лишился всего богатства, с таким трудом добытого. В одно мгновение все бутылки разбились, вся драгоценная влага ушла в снег. “Все?!” “Целой осталась одна бутылка”. Эту единственную, естественно, пришлось распить с горя». Вот что услышал я сегодня из уст сапожника Юры. Сочувствия я ему не выразил, но был... интеллигентен, чем, разумеется, — в его глазах — уронил еще более. Сам себе противен...» [16, 15 января 1991].

Как видим, почти каждая запись пронизана обидой за страну, сочувствием к людям и негодованием по отношению к руководящим лицам, которые занимаются «бесконечной говорильней» и «тешат собственные амбиции». Итогом размышлений можно считать эти записи:

«Перестройка была начата без проигрывания реальных последствий ее... торопливо и самонадеянно — вот и пожинаем плоды. ...Раздражают бесконечные доклады и речи, ненужные многотысячные совещания (вроде рабочих и колхозников), все эти рассусоливания, когда надо заниматься неотложным, смертельно загнанным в преисподнюю хозяйством, спасти страну и общество, реанимировать Союз, расплзающийся на глазах... Тревога заглушает все» [16, 20 января 1991].

«Да, все нуждается в подготовке. И перестройка, и гласность, и демократия были начаты с надеждой на вечный русский “кондачок”. В результате полнейший развал во всем, экономическое и духовное оскудение, межнациональный пожар, который не угасить, горлохватство вместо дела... Драки организационные отваживают от работы, которой нет ни на одном участке...» [16, 6 марта 1991].

«Политизировано все до крайних пределов, а что из того? Политика все более утверждается в нашей жизни как сила разрушительная, но не созидательная. Разрушается — и рушится — все (и во всем). Процесс стал неостановимым и — отнюдь не позитивным. Политика разрушает экономику, экономика — политическую систему, а все вместе ведет к хаосу. Стараюсь быть над этим — работать и работать, но, конечно, все происходящее, все окружающее воздействует негативно» [16, 19 марта 1991].

«Пуще всего настроение портит происходящее в стране. Идет малоприличная драка за власть. “Паны дерутся, а у холопов чубы трещат...”. Уважения к правительству никакого, ЦК в обороне, президента пародируют и даже высмеивают. Никто и ни во что не верит. Народ доведен до ручки, верю в слухи о скором введении карточек на хлеб. И это после рекордного урожая-90! Голодомор при хлебе?!» [16, 13 мая 1991].

Журналист, педагог, много лет работавший с молодежью, автор дневника понимал, что «грубейшая ошибка партии — равнодушие к морали, к нравственному уровню молодежи. Это окончательно рушит (и разрушит) устои государства. Мы дожили до порнографии, от нее путь к насилию... Теряем молодежь — теряем себя. И нет нам за это прощения!» [16, 25 января 1991].

«Телевидение дает всякую всячину... махачку вперемешку с малоприличными музыкальными изгилиями. Бедные наши ребятки, сколько всего этого они насмотрелись,

и как тяжело им проворачивать все увиденное в своих незащищенных головенках... Сможет ли противостоять отравленному потоку даже самая благополучная семья?» [16, 24 июля 1991].

Как видим, дневниковые записи Л. Н. Большакова дают возможность физически ощутить настроение автора, его ожидание еще более страшного. Не случайно одна из записей начинается с цитаты Наума Коржавина, которую приводим с сокращением: «Где тут спрятаться? Куда? Тихо входит в жизнь беда... Пахнет новой кровью». Далее комментарий: «Название стихотворения “Оторопь”. Оторопь — от всего. Самое страшное — новая кровь и ее запах. Нагнетанием кровавой ненависти стала идея “департизации”...» [16, 30 июля 1991].

«На душе мерзко. Каждое радиослово вонзается колючкой. Положение становится все хуже и хуже. Кризис власти, в т.ч. российской, падение авторитетов... Все зыбко, никакой уверенности в предстоящем часе, дне, а тем более месяце... Происходит ома-размачивание общества. Все заполонили колдуны и колдуньи... Нет больниц, лекарств, сколько-нибудь новой медицинской техники — на кого же уповать, если не на сих “чудо-деев”» [16, 11 октября 1991].

«...Удивительная осень. Было бы совсем хорошо, не будь все в стране так плохо, настолько отвратительно. Но об этом и говорить не хочется — каждый день записываю одно и то же, фиксирую один и тот же непреложный факт: худо... хуже быть не может... (А все хуже и хуже — бесконечно)... Думается о поджогах-диверсиях, которые в такой обстановке вполне возможны и реальны. С “опозданием”, но все может докатиться и до “спокойного” до поры Оренбурга. Ох, это шаткое спокойствие среди нарастающей экономической, политической и нравственной разрухи...» [16, 19 октября 1991].

В некоторых записях «прочитывается» сарказм:

«Радионовости: “На съезде проституток Украины решено не повышать плату за услуги”. Проститутки государственного масштаба повышать цены не стесняются...» [16, 11 ноября 1991].

«С рынка вернулся “победителем”: купил! Масло! Дешевое! По 28 рублей за кило! Хотя и бутербродное! Давали по 200 граммов, но обаяние покупателя было столь велико, что отхватил килограмма полтора. И в том же магазине кило сарделек (сарделищ!)... Чем не творческий успех писателя, о юбилее коего сейчас возвестило областное радио¹?» [16, 14 ноября 1991].

«Неладно в советском королевстве» — запись, сделанная 25 ноября 1991 года, как будто подводит итог советского периода нашей истории. До ликвидации СССР оставался всего месяц.

Таким образом, анализируемый дневник 1991 года позволил не только погрузиться в события и атмосферу последнего советского года, но и реконструировать настроение человека того времени, с болью наблюдавшего за агонией государства и всего привычного мироуклада. Нельзя согласиться с автором дневника, который, страдая от бессилия перед лицом надвигающегося краха, с горечью называет свои записи «вполне определенным письмом в... никуда» [16, 29 сентября 1991] — его дневник отнюдь не оказался таким, в настоящее время это уникальный исторический документ, запечатлевший время и повседневную жизнь интеллигента российской глубинки на изломе эпох. Ценность выявленных записей заключается именно в том, что они зафиксировали не какие-то конкретные статистические показатели спада промышленного производства, перебоев в торговле и т.п., а ту сложно уловимую статистику, но весьма реальную на практике сторону жизни, которая называется мироощущением и которая определяет в итоге общую атмо-

¹ Творческий юбилей — 50-летие работы Л. Н. Большакова в Оренбуржье.

сферу, царящую в социуме. Именно эта атмосфера и является интегральным показателем качества жизни, ее эмоциональной комфортности. Судя по дневнику Л. Н. Большакова, 1991 год должен был стать последним годом СССР вне зависимости от того, состоялись ли бы Беловежские соглашения или нет. Ощущение неминуемого краха просто витало в воздухе.

Список использованных источников и литературы

1. Август 1991. Конец КПСС. Воспоминания участников событий, документы, фотографии / под ред. Г. Д. Чиба. М. : Единая книга, 2006. 412 с.
2. Алексеев А. Н. 30 лет «в строю» (мое членство в КПСС) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2011. № 3. С. 7—12.
3. Большакова Т. Л. «Дневник для себя — это все-таки дневник для других»: о дневниках Л. Н. Большакова // Восьмые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен : сб. статей междунар. науч.-практ. конф. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2016. С. 13—17.
4. Большакова Т. Л., Любичанковский С. В. Леонид Большаков: автопортрет на фоне эпохи. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2012. 460 с.
5. Большакова Т. Л., Любичанковский С. В. Леонид Большаков: на связи с миром и людьми [Электронный ресурс]. М. : ФЛИНТА, 2016. 493 с. URL: <http://e.lanbook.com/book/89871>. Загл. с экрана.
6. Дрожжин В. А. КПСС и судьба Союза ССР // Юридический мир. 2008. № 3. С. 59—63.
7. Иванова А. Г. Первоначальное оформление партийной системы в рамках становления институтов власти в 90-е годы XX века (на примере Южного Урала) [Электронный ресурс] // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2013. № 2 (6). С. 75—83. URL: http://vestospu.ru/archive/2013/articles/ivanova_2013_2.pdf.
8. Кодан С. В. Источники личного происхождения: понятие, место и роль в изучении истории государственно-правовых явлений // ВВ: Исторические исследования. 2014. № 3. С. 60—93.
9. Коровин А. Г. Великая трагедия, или Причины крушения КПСС и СССР. Курган : Зауралье, 2003. 180 с.
10. Любичанковский С. В. Дневники Л. Н. Большакова как исторический источник [Электронный ресурс] // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2016. № 4 (20). С. 142—152. URL: http://vestospu.ru/archive/2016/articles/14_20_2016.pdf.
11. Любичанковский С. В. Конец советской эпохи глазами очевидца (на материалах личного дневника Л. Н. Большакова) [Электронный ресурс] // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2017. № 2 (22). С. 162—171. URL: http://vestospu.ru/archive/2017/articles/16_22_2017.pdf.
12. Любичанковский С. В. «...Партия выходит из меня»: размышления рядового коммуниста (на материалах дневника Л. Н. Большакова конца 1980-х — начала 1990-х годов) [Электронный ресурс] // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2019. № 2 (30). С. 190—201. URL: http://vestospu.ru/archive/2019/articles/11_30_2019.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2019.30.11.
13. Любичанковский С. В. «Такие времена не выбрал бы для себя никто из нас»: «лихие девяностые» глазами очевидцев [Электронный ресурс] // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2018. № 1 (25). С. 111—121. URL: http://vestospu.ru/archive/2018/articles/11_25_2018.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2018.25.11.
14. Пушкарева Н. Л., Любичанковский С. В. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от Школы Анналов к российской философской школе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2014. Т. 4, История. № 1. С. 8—22.
15. Сельцер Д. Г. Первые секретари ГК и РК КПСС (1991—1992 гг.): продолжение или завершение карьеры? // Pro pinc. Современные политические процессы. 2004. № 2. С. 135—156.
16. Семейный архив Т. Л. Большаковой. Дневник Л. Н. Большакова.
17. Согрин В. В. Политическая история современной России. М. : Прогресс-академия, 1994. 192 с.

Поступила в редакцию 11.05.2021

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор исторических наук, профессор
Оренбургский государственный педагогический университет
Российская Федерация, 460014, г. Оренбург, ул. Советская, 19
E-mail: svlubich@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8349-1359

UDC 94(470.56)“1991”

S. V. Lyubichankovskiy

“...It’s not okay in the Soviet kingdom”: 1991 in the diaries of L. N. Bolshakov

The article systematizes and analyzes the diary entries of the honorary citizen of the city of Orenburg, scientist and public figure Leonid Naumovich Bolshakov, concerning his perception of the changes that took place in the Soviet Union at the end of its existence — in 1991. The atmosphere of the last Soviet year, which developed for L. N. Bolshakov by disappointment from the economic devastation, political uncleanness of the authorities, moral decay and powerlessness to change anything, is being reconstructed. Specific examples of the facts and processes that most tragically influenced Bolshakov’s worldview in 1991 are given.

Key words: diaries, Leonid Naumovich Bolshakov, everyday life, intelligentsia, historical source, the Soviet Union, collapse of the USSR.

Lyubichankovskiy Sergey Valentinovich, Doctor of Historical Sciences, Professor
Orenburg State Pedagogical University
Russian Federation, 460014, Orenburg, ul. Sovetskaya, 19
E-mail: svlubich@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8349-1359

References

1. *Август 1991. Концы КПСС. Воспоминания участников событий, документы, фотографии* [August 1991. The end of the Communist Party of the Soviet Union. Memories of event participants, documents, photographs]. Moscow, Edinaya kniga Publ., 2006. 412 p. (In Russian)
2. Alekseev A. N. 30 let “v stroyu” (moe chlenstvo v KPSS) [30 years “in the ranks” (my membership in the CPSU)]. *Teleskop: zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniy*, 2011, no. 3, pp. 7—12. (In Russian)
3. Bol’shakova T. L. “Dnevnik dlya sebya — eto vse-taki dnevnik dlya drugikh”: o dnevnikh L. N. Bol’shakova [“A diary for myself is still a diary for others”: about the diaries of L. N. Bolshakov]. *Vos’mye Bol’shakovskie chteniya. Orenburgskii kraj kak istoriko-kul’turnyi fenomen: sb. statei mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Eighth Bolshakov readings. Orenburg Territory as a Historical and Cultural Phenomenon. A collection of articles of the Internat. sci.-pract. conf.]. Orenburg, OGPU Publ., 2016, pp. 13—17. (In Russian)
4. Bol’shakova T. L., Lyubichankovskii S. V. *Leonid Bol’shakov: avtoportret na fone epokhi* [Leonid Bolshakov: self-portrait on the background of the era]. Orenburg, OGPU Publ., 2012. 460 p. (In Russian)
5. Bol’shakova T. L., Lyubichankovskii S. V. *Leonid Bol’shakov: na svyazi s mirom i lyud’mi* [Leonid Bolshakov: in touch with the world and people]. Moscow, FLINTA Publ., 2016. 493 p. Available at: <http://e.lanbook.com/book/89871>. (In Russian)
6. Drozhzhin V. A. KPSS i sud’ba Soyuza SSR [The CPSU and the fate of the USSR]. *Yuridicheskii mir*, 2008, no. 3, pp. 59—63. (In Russian)
7. Ivanova A. G. Pervonachal’noe oformlenie partiinoi sistemy v ramkakh stanovleniya institutov vlasti v 90-e gody XX veka (na primere Yuzhnogo Urala) [The original form of the party system in the making of government institutions in the 90-s of the XX century (by the example of Southern Urals)]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal — Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2013, no. 2 (6), pp. 75—83. Available at: http://vestospu.ru/archive/2013/articles/ivanova_2013_2.pdf. (In Russian)
8. Kodan S. V. Istochniki lichnogo proiskhozhdeniya: ponyatie, mesto i rol’ v izuchenii istorii gosudarstvenno-pravovykh yavlenii [Sources of personal origin: concept, place and role in the study of the history of state and legal phenomena]. *NB: Istoricheskie issledovaniya*, 2014, no. 3, pp. 60—93. (In Russian)

9. Korovin A. G. *Velikaya tragediya, ili Prichiny krusheniya KPSS i SSSR* [The great tragedy, or the reasons for the collapse of the CPSU and the USSR]. Kurgan, Zaural'e Publ., 2003. 180 p. (In Russian)
10. Lyubichankovskii S. V. Dnevnik L. N. Bol'shakova kak istoricheskii istochnik [L. N. Bolshakov's diaries as historical source]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal — Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2016, no. 4 (20), pp. 142—152. Available at: http://vestospu.ru/archive/2016/articles/14_20_2016.pdf. (In Russian)
11. Lyubichankovskii S. V. Konets sovetskoi epokhi glazami ochevidtza (na materialakh lichnogo dnevnika L. N. Bol'shakova) [The end of the Soviet era by eyes of the eyewitness (on materials of the personal diary of L. N. Bolshakov)]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal — Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2017, no. 2 (22), pp. 162—171. Available at: http://vestospu.ru/archive/2017/articles/16_22_2017.pdf. (In Russian)
12. Lyubichankovskii S. V. "...Partiya vykhodit iz menya": razmyshleniya ryadovogo kommunista (na materialakh dnevnika L. N. Bol'shakova kontsa 1980-kh — nachala 1990-kh godov) ["...The party deserts me": reflections of an ordinary communist (based on the materials of L. N. Bolshakov's diary in the late 1980s — early 1990s)]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal — Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2019, no. 2 (30), pp. 190—201. Available at: http://vestospu.ru/archive/2019/articles/11_30_2019.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2019.30.11. (In Russian)
13. Lyubichankovskii S. V. "Takie vremena ne vybral by dlya sebya niko iz nas": "likhie devyanostye" glazami ochevidtsev ["None of us would have chosen such times": "dashing nineties" through the eyes of eyewitnesses]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal — Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2018, no. 1 (25), pp. 111—121. Available at: http://vestospu.ru/archive/2018/articles/11_25_2018.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2018.25.11. (In Russian)
14. Pushkareva N. L., Lyubichankovskii S. V. Ponimanie istorii povsednevnosti v sovremennom istoricheskom issledovanii: ot Shkoly Annalov k rossiiskoi filosofskoi shkole ["Everyday life history" in modern historical research: from School of the Annals to the Russian philosophical school]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*, 2014, vol. 4, Istoriya, no. 1, pp. 8—22. (In Russian)
15. Sel'tser D. G. Pervye sekretari GK i RK KPSS (1991—1992 gg.): prodolzhenie ili zavershenie kar'ery? [First secretaries of the city committee and district committee of CPSU (1991—1992): continuation or end of career?]. *Pro nunc. Sovremennye politicheskie protsessy*, 2004, no. 2, pp. 135—156. (In Russian)
16. *Semeinyi arkhiv T. L. Bol'shakovoi. Dnevnik L. N. Bol'shakova* [Family archive of T. L. Bolshakova. Leonid N. Bolshakov's diary]. (In Russian)
17. Sogrin V. V. *Politicheskaya istoriya sovremennoi Rossii* [Political history of modern Russia]. Moscow, Progress-akademiya Publ., 1994. 192 p. (In Russian)